СЕРИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ МОДУЛЕЙ

Борьба с терроризмом **6**

ПОДХОДЫ К БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

UNODC
Дохинская декларация:
ПООЩРЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОННОСТИ

образование для правосудия

Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности

ОБРАЗОВАНИЕ ВО ИМЯ ПРАВОСУДИЯ
СЕРИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ МОДУЛЕЙ

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ

Модуль 6

ПОДХОДЫ К БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Организация Объединенных Наций
Вéна, 2019

Этот модуль является ресурсом для преподавателей.

Разработанный в рамках инициативы Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) «Образование во имя правосудия» (E4J), являющейся компонентом Глобальной программы по осуществлению Дохинской декларации, данный модуль является частью серии модулей по борьбе с терроризмом E4J и дополняется Учебным пособием. Полный перечень материалов «Образование для правосудия» E4J включает в себя университетские модули по вопросам честности и этики, предупреждения преступности и уголовного правосудия, борьбы с коррупцией, организованной преступности, торговли людьми / незаконного ввоза мигрантов, огнестрельного оружия, киберпреступности, охраны дикой природы, лесных и рыболовных преступлений, а также борьбы с терроризмом.

Все серии университетских модулей «Образование для правосудия» E4J содержат предложения по упражнениям для аудиторных занятий, оценки учащихся, слайды и другие учебные инструменты, которые преподаватели могут адаптировать и включить в существующие курсы и программы обучения в ВУЗах. Модуль предоставляет план для трехчасового занятия, но также может быть использован для более или менее продолжительных занятий.

Все университетские модули «Образование для правосудия» E4J включают в себя результаты научных исследований и дискуссий, и могут содержать информацию, мнения и заявления из различных источников, включая сообщения прессы и независимых экспертов. Ссылки на внешние ресурсы были проверены на момент публикации. Однако, поскольку сторонние веб-сайты могут измениться, пожалуйста свяжитесь с нами, если вы столкнулись с неработающей ссылкой или были перенаправлены на неприемлемый контент. Пожалуйста, также сообщите нам, если вы заметили, что публикация связана с неофициальной версией или веб-сайтом.

Несмотря на то, что были приложены все усилия для обеспечения точного перевода модуля, обратите внимание, что модуль на английском языке является утвержденной версией. Поэтому в случае сомнений, пожалуйста, обратитесь к первоисточнику в английской версии.

Ознакомиться с условиями использования Модуля можно на *веб-сайте E4J*.

© Организация Объединенных Наций, 2019. Все права защищены.

Используемые обозначения и представление материалов в этой публикации не подразумевают выражения какого-либо мнения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций относительно правового статуса какой-либо страны, территории, города или района или ее органов власти, или относительно разграничения его границ.

Данная публикация не была официально редактирована.

Содержание

Введение 2
Результаты обучения 2
Ключевые вопросы 2
Основные принципы международного гуманитарного права (МГП) 4
Классификация вооруженных конфликтов 5
Международный вооруженный конфликт 5
Немеждународный вооруженный конфликт 6
Прекращение военных действий 8
Классификация лиц 8
Комбатанты и международный вооруженный конфликт 9
«Боевики» и немеждународный вооруженный конфликт 11
Террористические акторы и группы 12
Современное явление «иностранных боевиков-террористов» 14
Международное гуманитарное право, терроризм и противодействие терроризму 15
Слияние терроризма и конфликта 15
Текущие разногласия и сложности 17
Взаимосвязь между международным гуманитарным правом и международным правом в области прав человека 19
Право на жизнь 20
Дети, участвующие в военных действиях 21
Ментальный вред vs. физический вред 21
Упражнения и тематические исследования (кейсы) 22
Упражнение 1: Встряхнуть класс (см. Методическое пособие) 22
Кейс 1: Классификация вооруженных конфликтов 23
Кейс 2: МГП, вооруженный конфликт и терроризм 24
Возможная структура занятия 25
Основная литература 26
Дополнительная литература 27
Оценка учащихся 30
Вопросы для оценки 30
Дополнительные учебные инструменты 31
Библиография 32

Введение

В предыдущих трех Модулях (Модули 3-5) изучались основные правовые документы, регулирующие региональные и международные подходы в рамках уголовного права/прав человека в противодействии терроризму. Как было отмечено, подход системы уголовного правосудия, подкрепленный принципом верховенства права, должен стать стандартным ответом на террористические угрозы и преступления. Основываясь на главных целях и источниках международного гуманитарного права (МГП), которые разъяснялись в Модуле 3, в настоящем Модуле рассматриваются вопросы, имеющие отношение к контртеррористическим усилиям в условиях вооруженного конфликта. В частности, внимание уделяется недавним и в настоящее время спорным вопросам, возникающим в отношении негосударственных акторов, таких как «Аль-Каида» и Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), а именно в отношении классификации различных видов конфликтов и применимых сводов законов; а также существование и последствия отнесения к числу комбатантов, покровительствуемых лиц или преступников (иногда называемых незаконными комбатантами).

Результаты обучения

- Понимание основополагающих понятий и принципов международного гуманитарного права, имеющих отношение к контртеррористической деятельности в ситуациях вооруженного конфликта.
- Объяснение правильной правовой классификации конфликтных ситуаций и соответствующей классификации негосударственных акторов в этих ситуациях, а также правовых последствий такой классификации.
- Изучение основных спорных вопросов, которые могут возникнуть в ситуациях военного конфликта в отношении негосударственных террористических акторов.
- Изучение понятия терроризма в ситуациях вооруженного конфликта, в том числе конкретных норм международного гуманитарного права.
- Объяснение связи между международным гуманитарным правом и международным правом в области прав человека, в том числе понятия *lex specialis*.

Ключевые вопросы

В некоторых случаях целесообразным может стать военный (вооруженный конфликт) подход к противодействию терроризму. Важно отметить, что это не политическая риторика, вроде «войны с терроризмом», которая определяет подход и подкрепляющий правовой режим; вместо этого, здесь определяется, удовлетворяются ли конкретные правовые критерии, изучаемые в настоящем Модуле. Правильная правовая классификация контекста, в котором осуществляются контртеррористические меры реагирования, важна, поскольку она будет определять, какой правовой режим (режимы) будет применен: ответные меры уголовного правосудия, основанные на международных нормах в области прав человека, которые регулируют меры реагирования в мирное время; или же международное гуманитарное право (МГП) в качестве *lex specialis* (отражающего фундаментальные, неотъемлемые принципы прав человека), которое регулирует меры реагирования в рамках вооружённого конфликта. Несмотря на то, что

военные меры могут быть оправданы в некоторых условиях, в случае удовлетворения строгих критериев, они скорее должны быть исключением, нежели нормой в противодействии терроризму.

Обстоятельства, ведущие к возникновению ситуации вооруженного конфликта, могут носить противоречивый политический характер с затяжными неопределённостями. Несмотря на то, что военные меры могут быть санкционированы в соответствии с подходом коллективной безопасности, принятым под эгидой ООН, обычно применяемым подходом ООН по решению проблем, связанных с негосударственными акторами являются ненасильственные меры или целенаправленные санкции. Одним из примеров служит санкционный режим Совета Безопасности, введённый резолюциями 1267 (1999 г.), 1989 (2011 г.) и 2253 (2015 г.) в отношении Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ/ДАИШ), «Аль-Каиды» и других связанных с ними лиц, групп и предприятий. Сопутствующие неясности оставляют вопрос открытым, могут ли государства в одностороннем порядке или совместно с союзниками применять силу (*jus ad bellum*) против угроз и атак террористов, как, например, против негосударственных акторов в государстве, являющемся третьей стороной. В случае применения военной силы вне зависимости от любых нерешенных вопросов касательно законности решения о ее применении (*jus ad bellum*), само ведение военных действий регулируется МГП (*jus in bello*), которому уделяется основное внимание в настоящем Модуле.

Существует серьёзная озабоченность относительно соблюдения принципа верховенства права в таких условиях, когда меры реагирования, принимаемые на уровне исполнительной власти и ориентированные на применение военной силы, хоть и не в полной мере заменяющие подходы в рамках уголовного права и прав человека, оспаривают или подрывают применение и обеспечение выполнения других правовых режимов, составляющих международно-правовую базу в сфере противодействия терроризму. Одна из причин такой озабоченности связана с тем, что государства задействуют все элементы своей национальной власти – правовые, экономические, дипломатические, финансовые, военные, разведывательные, информационные и другие – в стремлении нейтрализовать угрозу, создаваемую негосударственными террористическими акторами. Хотя само по себе это не вызывает проблем, озабоченность возникает, когда это приводит к несоразмерным ответным мерам, подрывающим права человека и основные свободы, и содействию в росте безнаказанности. Когда такое происходит, важно обеспечить новую сбалансированность военных операций и мер реагирования в рамках уголовного правосудия в борьбе с терроризмом, с тем чтобы соблюдать четкие параметры между этими двумя концепциями.

В настоящем Модуле изучаются ключевые принципы МГП; классификация международных и немеждународных вооруженных конфликтов; классификация «комбатантов» и «боевиков», в том числе их основные последствия; конкретные нормы, регулирующие террористические акты в условиях вооруженного конфликта; и взаимосвязь между МГП и международным правом в области прав человека, в том числе важность понятия *lex specialis*.

Основные принципы международного гуманитарного права (МГП)

При определении основополагающих принципов МГП часто цитируемым источником является оговорка Мартенса. Она была впервые принята в рамках Преамбулы к Гаагской конвенции II 1899 года и с тех пор приобрела статус нормы обычного международного права. Оговорка Мартенса предусматривает, что даже в случаях, неурегулированных кодифицированными договорами МГП, комбатанты и население имеют право на минимальный уровень защиты, а именно, что все военные действия регулируются принципами международного права, поскольку они вытекают из применения международного права, законов человечности и требований общественного сознания. Это отражает всеобъемлющую цель МГП, которая заключается в установлении минимальных и не допускающих отступлений запрещающих стандартов, которые применяются во всех ситуациях вооруженного конфликта.

Принципы основываются как на нормах обычного международного права, так и источниках, изучаемых в Модуле 3, в частности в четырех Женевских конвенциях 1949 года и двух дополнительных Протоколах 1977 года.

Основными принципами МГП являются:

- Различие между гражданскими лицами и комбатантами.
- Запрет нападения на лиц, вышедших из строя *(hors de combat)* (т.е. тех, кто не является непосредственными участниками военных действий).
- Запрет на причинение излишних страданий.
- Принцип необходимости.
- Принцип соразмерности.

МГП является одновременно простым и сложным с точки зрения его целей, основополагающих принципов и связанных вызовов:

Проще говоря, эти правила могут быть обобщены в четырех постулатах: не нападать на некомбатантов, нападать на комбатантов, используя только законные средства, гуманно обращаться с лицами, находящимся в вашей власти, и защищать жертв.... В тоже время, право вооруженных конфликтов является сложным, поскольку применяется только в определённых ситуациях, и эти ситуации не всегда легко определяются в конкретном выражении, и в зависимости от ситуации одно и то же действие может быть законным и незаконным, и не просто незаконным, а уголовным преступлением, или же ни законным, ни незаконным! ... (David, 2002, стр. 921-922).

Существуют определённые аспекты, которые МГП не регулирует. Например, оно не запрещает использование насилия как такового, не затрагивает цели конфликта, не защищает всех лиц, затронутых военным конфликтом, в частности, комбатантов, принимающих непосредственное участие в военных действиях, которые могут быть убиты на законных основаниях.

Классификация вооруженных конфликтов

Правильное определение существования ситуации военного конфликта имеет важное значение, поскольку от этого будет зависеть, будет ли применено МГП. Оно допускает законное убийство некоторых лиц и разрушение определенного имущества и в то же время обеспечивает защиту других лиц и другого типа имущества. МГП не применяется ко всем случаям использования межгосударственного противостояния или применения всех форм насилия, как, например, в ходе беспорядков или отдельные акты насилия (см. Дополнительный протокол II Статья 1(2)). Оно требует, чтобы ситуация сначала достигла минимального порога насилия или же произошла военная оккупация. В случаях, когда такой порог не достигнут, права лиц и обращение с ними будут определяться международным правом в области прав человека и любые случаи незаконного применения силы будут регулироваться внутренним уголовным правом. (В частности, полезным источником при подготовке этого раздела стала работа Melzer, 2016).

В договорах отсутствует определение «вооруженного конфликта», в том числе в Женевских конвенциях 1949 года или Дополнительных протоколах 1977 года. Таким образом, толкование и разъяснение этого понятия остается в значительной степени делом практики государств, международного прецедентного права и ученых.

В рамках существующих договоров выделяются два вида вооруженных конфликтов: международные вооруженные конфликты между двумя или несколькими государствами; и немеждународные вооруженные конфликты, происходящие между государствами и негосударственными вооруженными группами или только между такими группами.

Важно отметить, что Международный комитет Красного Креста (МККК) в качестве органа, осуществляющего контроль за выполнением МГП, никогда не признавал существование какой-либо глобальной «войны с терроризмом» и не рассматривал негосударственных акторов, которые, по мнению некоторых, имеют глобальный охват, таких как «Аль-Каида» и ИГИЛ и связанные с ними группы, как участников глобального конфликта. МККК не считает, что МГП применяется за пределами географических границ территории сторон конфликта таким образом, который бы позволил превратить в объект нападения в любой точке мира любых лиц, которые, как (иногда ошибочно) предполагают, связаны с негосударственными вооруженными группировками. Вместо этого, МККК определяет на индивидуальной основе доказательную базу в отношении того, были ли удовлетворены критерии существования вооруженного конфликта или нет.

Международный вооруженный конфликт

Необходимый уровень насилия, который позволяет установить возникновение вооруженного конфликта, отличается в случае международных вооруженных конфликтов и немеждународных вооруженных конфликтов. Что касается международного вооруженного конфликта, поскольку существует общий запрет в отношении применения силы между государствами (как отражено в статье 2(4) Устава ООН), то обычно предполагается, что любое такое применение военной силы, которое регулируется МГП, вызвано умышленным враждебным намерением. Это происходит вне зависимости от факторов, определяющих применение силы или степень ее интенсивности. Как было установлено Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии в деле *Прокурор против Душко Тадича, также известного как «Дуле»,* даже незначительные случаи вооружённого насилия, такие как отдельные пограничные инциденты или захват

единственного заложника, могут быть достаточными, чтобы применялось МГП (1995, п. 70).

В контексте международного вооруженного конфликта в соответствии с общей статьей 2(1) Женевских конвенций двумя определяющим факторами являются: (1) правой статус воюющих сторон конфликта (обычно государства), и (2) характер военной конфронтации между ними (например, объявление войны, частичная или полная оккупация территории государства-участника Женевских конвенций). Согласно статье 1(4) Дополнительного протокола I, в отношении государств, являющихся его сторонами, обозначенный в статье 2(1) критерий также распространяется на вооруженную борьбу за самоопределение. Это означает, что понятие сторона конфликта в этой ситуации может охватывать определённые категории национально-освободительных движений. В настоящее время международные вооруженные конфликты являются скорее исключением, чем нормой с точки зрения распространения вооруженных конфликтных ситуаций.

Немеждународный вооруженный конфликт

В отличие от контекста международного вооруженного конфликта порог насилия для существования немеждународного вооруженного конфликта значительно выше с учётом того факта, что в мирное время правоохранительная деятельность (в том числе в рамках противодействия терроризму) может потребовать применения силы в отношении отдельных лиц или групп, что надлежащим образом регулируется нормами внутреннего уголовного права, а также правом в области прав человека. В частности, статья 2(2) Дополнительного протокола II по этим причинам прямо исключает следующие категории из охвата применения немеждународного вооруженного конфликта: «случаи нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, такие как беспорядки, отдельные и случайные акты насилия и иные акты аналогичного характера, поскольку таковые не являются вооруженными конфликтами».

В целом предел достигнут, когда обычной деятельности полиции, осуществляемой в мирное время, недостаточно, чтобы справиться с интенсивностью насилия, обуславливая, тем самым, необходимость действий со стороны государственных вооруженных сил. Критерием для определения этого, сформулированным Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии, является наличие «продолжительного вооруженного насилия» между государством и организованными вооруженными группами или между такими группами (*Прокурор против «Дуле»,* 1995 г., п. 70). К доказательным факторам при оценке того, достигнут ли уровень вооруженного конфликта в ситуациях немеждународного вооруженного конфликта, относятся:

> Количество, продолжительность и интенсивность отдельных столкновений; тип используемого оружия и другой военной амуниции, количество и калибр применяемых снарядов; количество лиц и вид сил, участвующих в столкновениях; число пострадавших; степень материальных разрушений и число гражданских лиц, покинувших зоны боевых действий. Вовлеченность в ситуацию Совета Безопасности ООН также может отражатьинтенсивность конфликта (*Прокурор против Харадиная и других,* 2008, п. 49).

Общая для Женевских конвенций статья 3 устанавливает правила в отношении лиц, непосредственно не принимающих участие в военных действиях в случае вооруженного конфликта немеждународного характера, и призвана гарантировать минимальный уровень защиты для них. Одним из важных последствий этого является признание того, что сторонами конфликта могут быть не только государства, ими также могут быть

негосударственные акторы. Это не зависит от их правосубъективности, статуса или легитимности согласно международному праву. Вместе с тем ожидается, что они будут достаточно организованы, с тем чтобы суметь обеспечить коллективное соблюдение МГП (то, что предполагается по умолчанию в отношении государств, являющихся сторонами конфликта). Это достигается за счет таких факторов, как наличие в группе некой командной структуры, а также дисциплинарных норм и механизмов, управляемых группой (*Прокурор против Харадиная и других*, 2008 г., п. 60).

Подобные требования отражены также в статье 1(1) Дополнительного протокола II, в которой немеждународный вооруженный конфликт определяется как «происходящий на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол». Более широкие права, предусмотренные в Дополнительном проколе II, применяются исключительно в ситуациях немеждународного вооруженного конфликта, когда вооруженные силы государства, на территории которого происходит конфликт, являются стороной конфликта и при соответствии другим критериям, таким как, например, осуществление вооруженной группой эффективного контроля, по крайней мере, над частью территории государства. В ином случае, когда насилие происходит только между негосударственными акторами, применяется только общая статья 3.

Если вмешательство со стороны третьих государств осуществляется с целью оказать поддержку повстанцам, сражающимся против территориального государства, правовые отношения между территориальным государством и вооруженными группами останутся прежними (нормы немеждународного вооруженного конфликта), тогда как вооруженные столкновения между государствами будут регулироваться нормами международного вооруженного конфликта. Если степень указаний и контроля третьего государства в отношении групп фактически такова, что группы могут быть расценены как военные интервенции самого государства, то отношения между группами и территориальным государством изменятся и будут регулироваться МГП как международный вооруженный конфликт. В ситуациях, когда в существующий немеждународный вооруженный конфликт вмешивается третье государство или коалиция государств для поддержки государства, на территории которого происходит конфликт («интернационализированный» вооруженный конфликт), становясь (совоюющей) стороной в этом конфликте, он будет и далее регулироваться МГП, применимым к немеждународному вооруженному конфликту.

Иногда классификация конфликта может меняться. Например, что касается вооруженного конфликта между коалицией, возглавляемой США, и правящим режимом Талибана в Афганистане в 2001 году, изначально он представлял собой международный вооруженный конфликт. Как только правительство Карзая было сформировано и было признано международным сообществом, вооруженный конфликт превратился в немеждународный вооруженный конфликт с участием многонациональных сил, которые оказывали поддержку афганскому правительству с его согласия (Chatham House, 2012, стр. 3).

Важно отметить, что вооруженные столкновения между другими акторами, не попадающими под эти строгие категории, не могут рассматриваться в рамках МГП как вооруженный конфликт, а регулируются внутренним законодательством или нормами немеждународного вооруженного конфликта в зависимости от уровня насилия. Этот

аспект является крайне важным в контексте противодействия терроризму, поскольку в целом участвующие негосударственные группы будут попадать под одну из этих ситуаций. В свою очередь, надлежащая классификация определяет, какие действия предусмотрены, а какие нет (МГП не «допускает» виды боевых действий), а также какие права могут или должны быть обеспечены таким группам. Такие права, предусмотренные общей статьей 3 и Дополнительным протоколом II, менее обширны, если сравнивать с международным вооруженным конфликтом, хотя должны рассматриваться как необходимый минимум и на практике в идеале включать больше базовых прав.

Обычное международное право имеет особое значение для охвата вопросов, не предусмотренных специально в договорном праве, что обуславливает важность масштабного десятилетнего исследования по вопросам применения норм обычного международного гуманитарного права, проведенного МККК (см. вставку «инструменты» 1). Даже с учетом предусмотренных в нем прав и стандартов определение точных прав и границ законности может быть менее ясным и более сложным в контексте немеждународного вооруженного конфликта по сравнению с более четко определяемым и регулируемым международным вооруженным конфликтом, в том числе в отношении обращения с лицами, содержащимися под стражей.

Прекращение военных действий

Исторически сложилось, что военные действия в рамках международного вооруженного конфликта завершаются каким-либо умышленным актом, например, мирным договором, актом капитуляции или полным уходом с ранее оспариваемой территории. Сегодня как международные вооруженные конфликты, так и немеждународные вооруженные конфликты чаще завершаются очень постепенным снижением напряженности, нестабильными соглашениями о прекращении огня и (или) вмешательством третьих сторон, например, миротворцев, или полным поражением одной из сторон. Даже в случае окончания вооруженного конфликта некоторые положения МГП продолжают применяться, например, в отношении лиц, лишенных свободы/интернированных лиц и различных других проблем гуманитарного характера до тех пор, пока «не будет достигнуто заключение мира…» (*Прокурор против «Дуле»,* 1995, п. 70).

Классификация лиц

Краеугольным камнем МГП является принцип проведения различия, согласно которому стороны в вооруженном конфликте должны всегда «проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными объектами и соответственно направлять свои действия только против военных объектов» (Статья 48 Дополнительного протокола I). Это означает, что должны существовать четкие границы между понятием «гражданское население» (которое является покровительствуемыми лицами, в отношении которых запрещено умышленное нападение, если только они не поменяют свой статус на комбатантов/не берутся за оружие, см., например, Статью 50 (1) Дополнительного протокола I), и понятием «комбатанты» (которые могут быть объектом умышленного нападения). Правильная классификация важна, поскольку в ситуациях международного вооруженного конфликта в соответствии с Женевской конвенцией III комбатанты имеют право на защиту в качестве военнопленных после захвата; и «могут преследоваться только «за нарушения международного гуманитарного права, в частности военные преступления» (статья 43(2) Дополнительного протокола I). Несмотря на то, что государства не согласны

распространять такие привилегии комбатантов, участвующих в немеждународных вооруженных конфликтах, на членов организованных вооруженных групп или гражданских лиц, принимающих прямое участие в военных действиях, они могут принять решение обращаться с захваченными бойцами как с военнопленными по принципиальным соображениям. (Полезным источником при подготовке этого раздела стали работы Malzer, 2016, и Pejic, 2012, гл. 7).

В этом разделе представлен обзор правил, регулирующих классификацию комбатантов (международный вооруженный конфликт) и боевиков (немеждународный вооруженный конфликт), и определяются некоторые спорные вопросы, связанные с классификацией негосударственных террористических акторов, например «Аль-Каиды» и ИГИЛ.

Комбатанты и международный вооруженный конфликт

Все члены воюющей стороны конфликта, государственные или негосударственные, являются комбатантами. Исключение из этого общего правила составляет персонал, выполняющий исключительно гуманитарные функции (медицинский и религиозный персонал) (статья 43(2) Дополнительного протокола I).

Комбатантами (а также соответственно военнопленными), как это определяется МГП, являются все члены вооруженных сил государства или групп, приравненных к ним, как это определено Женевской конвенцией III (статьи 4(A)(1)-(3), и (6)). Примечательно, что в статье 4(A)(2) в отношении комбатантов нерегулярных войск, например тех, кто участвует в военных действиях в составе ополчения или движений сопротивления, определяется 4 основных условия, которые должны быть удовлетворены для применения к ним положений Конвенции:

a) Находятся под командованием лица, ответственного за своих подчиненных;
b) Имеют определенный и видимый издали отличительный знак;
c) Открыто носят оружие;
d) Проводят свои операции в соответствии с законами и обычаями войны.

При этом эти первоначальные критерии в Дополнительном протоколе I были видоизменены с целью возможности применения положений Женевских конвенций (статья 1(4)) к нетрадиционным формам ведения войн, таким как, например, борьба против колониального господства и иностранной оккупации, которые, по мнению некоторых, являются террористической деятельностью. Несмотря на некоторый положительный эффект таких поправок, в частности, в отношении защиты гражданского населения, связанной с реалиями партизанской войны, они также привели к смягчению первоначальных критериев и, как результат, меньшей ясности в вопросе о том, кто является комбатантом в целях МГП. Такие неопределённости усугубляются сохраняющимися разногласиями относительно того, занимаются ли, по крайней мере, некоторые вооруженные группы законной борьбой за самоопределение или преступной террористической деятельностью.

Дополнительный протокол I определяет вооруженные силы как состоящие «из всех организованных вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных» (статья 43(1)). Примечательно, что в статье 44(3) Дополнительного протокола I было смягчено обязательство комбатантов отличать себя. Эти изменения могут быть описаны следующим образом:

> Тогда как традиционно воюющие, не отличавшие себя от гражданского населения, навсегда утрачивали свой статус комбатанта, Дополнительный протокол I теперь позволял комбатантам в определённых обстоятельствах отличать себя только открытым ношением оружия во время военного столкновения и в то время, когда они находятся на виду у противника в ходе военного развертывания, предшествующего атаке.

Это может иметь неблагоприятные последствия для тех лиц, кто не в полной мере соблюдает положения МГП. Например, такие лица могут не получить статус военнопленного в случае захвата (см. статью 46 Дополнительного протокола I). Как и в случае комбатантов, которые отвечают всем четырем критериям, те комбатанты, которые не отвечают им, могут быть аналогичным образом привлечены к уголовной ответственности за нарушение МГП.

Такие изменения, которые понимались и ожидались участвовавшими делегатами, будут применяться в исключительных случаях. Например, в случаях когда «вследствие характера вооруженных действий» вооруженный комбатант не имел возможности отличить себя ничем кроме открытого ношения оружия во время военного столкновения или до его начала, в частности в ходе национально-освободительной борьбы или ситуаций оккупации. При этом некоторые страны выразили серьезную озабоченность, в том числе США, которые до сих пор отказываются ратифицировать Дополнительный протокол I (и Протокол II), поскольку такие поправки таят в себе угрозу применения их к «террористам» и их защите.

На практике значимость такой озабоченности была минимальной по той причине, что обязательства, такие как защита гражданского населения, носят абсолютный характер в соответствии с Женевскими конвенциями; акты насилия, происходящие между признанными комбатантами, являются законными и не представляют собой террористическую деятельность; число национально-освободительных движений и других ситуаций, предусматриваемых статьей 1(4) Дополнительного протокола I, весьма незначительно; и большинство государств стали сторонами Дополнительного протокола I, что позволяет предположить, что они не согласны с тем, что эти поправки способствуют осуществлению террористических актов.

Также необходимо отметить, что прямое участие гражданского населения в военных действиях само по себе не считается военным преступлением (если только не осуществляется вероломно), поскольку является неизбежным обстоятельством вооруженного конфликта. Утрата лицом защиты от прямых нападений (применима только к гражданским лицам, не участвующим в военных действиях) может быть определена только на основе факторов, признанных МГП, а именно принадлежности к вооруженным силам воюющей стороны конфликта, или - в случае гражданских лиц - непосредственного участия в спонтанных массовых выступлениях (*levée en masse*) или иных военных действиях на период участия в них. При этом такие действия регламентируются рядом международных и внутренних санкций. Как уже упоминалось, в соответствии с МГП гражданские лица утрачивают покровительствуемый статус, когда они действительно принимают прямое участие в военных действиях, что означает, что они на законных основаниях могут стать объектом нападения и быть убитыми противником, как и любой комбатант.

МГП, применяемое к международным вооруженным конфликтам, также разрешает интернировать таких гражданских лиц до тех пор, пока они представляют угрозу для удерживающей силы, что может продолжаться до окончания активных военных действий. Например, как показывает продолжающийся конфликт в Афганистане между

правительством и движением Талибан, интернирование может длиться годами, если это санкционировано ООН. Более того, как и в случае комбатантов регулярных вооруженных сил, такие гражданские лица могут быть привлечены к уголовной ответственности за совершение военных преступлений, если они нападают на гражданских лиц или гражданские объекты. В дополнение к этому, поскольку принимающие участие в военных действиях гражданские лица не обладают таким же иммунитетом статуса участника боевых действий как регулярные вооруженные силы, они также могут быть привлечены к уголовной ответственности согласно внутреннему законодательству задерживающей страны за то, что они взялись за оружие и совершили акты насилия, в том числе против военных объектов, что разрешается МГП, но является уголовным преступлением согласно внутреннему законодательству. Принимая во внимание наличие таких санкций, практические и политические преимущества, связанные с объявлением некоторых актов «террористическими» по характеру, ограничены, если не принимать во внимание их соответствующий политический и идеологический подтекст.

«Боевики» и немеждународный вооруженный конфликт

В отличие от ситуаций международного вооруженного конфликта, каких-либо аналогичных конкретных норм, в частности определяющих такие ключевые понятия как «гражданские лица», «вооруженные силы» и «нападения», а также подробно регулирующих ведение военных действий, в отношении немеждународного вооруженного конфликта не существует. Это во многом связано с тем, что договаривающиеся государства не хотели создавать впечатление, будто оппозиционные вооруженные силы, повстанческие группы или другие негосударственные воюющие, взявшиеся за оружие в борьбе против своего правительства, могут воспользоваться каким бы то ни было уровнем легитимности или привилегий. Общая статья 3 Женевских конвенций и Дополнительный протокол II содержат некоторые указания относительно ведения военных действий в ситуациях немеждународного вооруженного конфликта.

В отношении немеждународных вооруженных конфликтов равным образом применяется тот же краеугольный принцип проведения различия - между «боевиками» (а не «комбатантами), а также между боевиками и государственными силами и гражданским населением. Первая категория включает «вооружённые силы», «оппозиционные вооруженные силы» и другие «организованные вооруженные группы, которые осуществляют «непрерывные и согласованные военные действия» под «ответственным командованием». Основная цель классификации таких лиц должна быть связана с их поведением в военных действиях и не должна затрагивать вопросы обращения с ними, например в случае захвата и лишения свободы (см.: общая статья 3(1) Женевских конвенций; статьи 1(1) и 13(1) Дополнительного протокола II). Таким образом, любое лицо, которое захвачено, содержится под стражей или интернировано в ситуациях немеждународного вооруженного конфликта, может иметь право на тот же уровень защиты в соответствии с МГП вне зависимости от его статуса или участия в военных действиях и вне зависимости от того, кто задерживает его - государственные или негосударственные стороны (Общая статья 3(1) Женевских конвенций; статьи 4 и 5 Дополнительного протокола II), хотя этот вопрос по-прежнему вызывает существенные разногласия среди государств.

Еще одной категорией «гражданских лиц» являются члены «гражданского населения» и «отдельные гражданские лица», которые «пользуются общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными операциями», осуществляемыми этими вооруженными силами или группами (Общая статья 3 Женевских конвенций; статьи 1(1) и 13(1) Дополнительного протокола II). Таким образом, прямые нападения на

гражданское население и отдельных гражданских лиц, а также акты насилия или угрозы насилия, имеющие основной целью посеять террор среди гражданского населения, запрещены (статья 13(2) Дополнительного протокола II).

В ситуациях немеждународных вооруженных конфликтов, в которых не существует официальной привилегии комбатанта как в ситуациях международных вооруженных конфликтов, различие проводится между гражданскими лицами и лицами из состава боевых сил воюющих сторон. Общепризнано, что в силу общей статьи 3 и Дополнительного протокола II члены организованных вооруженных групп, также как и государственных вооруженных сил, не относятся к гражданским лицам. Обычно считается, что члены таких групп утрачивают свой статус гражданских лиц и могут на законных основаниях подвергаться нападениям так же, как и комбатанты во время международных вооруженных конфликтов. Поэтому для определения таких лиц иногда используются такие термины как «боевики», «незаконные» или «непривилегированные» комбатанты или воюющие.

Такие термины не имеют формального правого статуса в МГП, которое их не применяет. Важно отметить, что даже в тех случаях, когда такая терминология применяется, она не затрагивает правой статус или права на гуманитарную защиту, предоставляемую таким лицам согласно МГП. По сути, термин «непривилегированный комбатант» означает, что лицо не имеет законного права принимать непосредственное участие в военных действиях (в качестве члена вооруженных сил). Поскольку он не имеет права на привилегию комбатанта, он может преследоваться в судебном порядке за совершенные действия или бездействия, которые являются правонарушениями согласно применяемому национальному праву, даже если такое поведение допускается в соответствии с МГП. Напротив, действия государственных вооруженных сил и органов правопорядка, которые соответствуют МГП, как правило, рассматриваются как допустимые и законные согласно применяемому национальному праву соответствующего государства.

Использование термина «незаконный комбатант» потенциально сопряжено с еще большими проблемами по той причине, что хотя МГП и ограничивает «право» принимать непосредственное участие в военных действиях привилегированным комбатантам, оно не запрещает никому, в том числе гражданским лицам, браться за оружие в ситуации вооруженного конфликта; оно только приостанавливает действие их статуса на период такого действия и запрещает определённое поведение. И наоборот, государства могут принимать законодательство, криминализирующее действия «непривилегированных комбатантов», тем самым делая его незаконным согласно национальному праву.

Террористические акторы и группы

Классификация негосударственных террористических акторов, таких как «Аль-Каида» и ИГИЛ, является спорной тем более, что в МГП нет классификации «террористов», хотя в нем признаются и запрещаются террористические акты. Являются ли они сторонами конфликта с обязательствами, а также привилегиями, связанными с МГП? Отличаются ли они от «партизанских» сил, которые могут попасть в категорию комбатантов в рамках Дополнительного протокола I в том случае, если они соответствуют минимальным требуемым критериям? Или же они являются гражданскими преступниками, которые не имеют права на такую защиту (например, от уголовного преследования за нападение на комбатантов), и чьи действия регулируются национальным и международным уголовным правом? Частично это может зависеть от того, связаны ли и в какой степени такие террористические группы со стороной конфликта, в том числе с точки зрения

уровня командования и контроля, осуществляемых этими группировками и над ними. Помимо этого, даже если они связаны с такой стороной, далее необходимо определить, существует ли связь между их действиями и ситуацией вооруженного конфликта. Являются ли их действия неотъемлемой частью военных действий стороны конфликта, в случае чего они могут войти в категорию комбатантов (например, прямая поддержка, которая оказывалась «Аль-Каидой» движению «Талибан» в Афганистане в 2001 году)? Или так случилось, что террористические акты осуществляются группой, не являющейся стороной конфликта, но которая, например извлекает выгоду из ослабления позиции государства, на территории которого она осуществляет террористическую деятельность в своих идеологических целях (и в этом случае члены такой группы являются преступниками и к ним следует относиться так же, как и к любой другой террористической группе в мирное время), и которые не связаны или поддерживают стороны или военные цели продолжающегося конфликта.

По этим причинам возникло много противоречий и сложностей в отношении классификации террористических негосударственных акторов, которых часто сложно отнести к одной из двух категорий, применяемых в МГП в отношении международного вооруженного конфликта, а именно «комбатантов» и «гражданских лиц». Таким образом, для обозначения негосударственных акторов, принимающих участие в вооружённых действиях, используются описательные термины (не имеющие правового признания), такие как «незаконные» комбатанты, но, как правило, они не являются комбатантами в понимании МГП в том плане, что они обычно не отвечают необходимым правовым критериям, как объяснялось выше. Данная категория лиц, официально не признаваемая МГП, как отмечалось выше, отличается от гражданских лиц, которые могут принимать прямое участие в военных действиях и лишь утрачивают свой покровительствуемый статус при этом, а также от «непривилегированных» членов вооруженных сил, которые принимают участие в военных действиях на организованной и постоянной основе. Это происходит потому, что действия террористических негосударственных акторов, как правило, не имеют достаточно тесной или причинно-следственной связи с координированной военной операцией, или же фактически достигают определённого порога вреда при оказании поддержки такой военной операции, чтобы достичь законную военную цель. Преступные действия негосударственных террористических акторов вместо этого направлены на то, чтобы воспользоваться любым ослаблением системы правопорядка.

Эти проблемы еще более усложняются тем, что террорист может одновременно попадать под разные классификации как в рамках системы уголовного правосудия, так и МГП. Например, он может считаться и подвергаться соответствующему обращению как террорист согласно национальному законодательству в том государстве, где он осуществляет свою деятельность, но при этом быть членом организованной вооруженной группировки в рамках МГП. Более того, лицо или группа может иметь статус «комбатантов» в целях МГП и осуществлять незаконные террористические действия, которые запрещены МГП и обычно считаются военными преступлениями (например, умышленное убийство, пытки или бесчеловечное обращение, масштабные разрушения имущества, не вызванные военной необходимостью и осуществляемые незаконно и без всякой причины). Аналогичным образом, в ситуациях немеждународного вооруженного конфликта террористическое насилие может осуществляться любым из участвующих акторов, в том числе государственными вооруженными силами, организованными вооруженными группами или гражданскими лицами, принимающими участие в военных действиях (см. Общая статья 3(2) Женевских конвенций и статья 6(5) Дополнительного протокола II).

Особую озабоченность в связи с использованием таких терминов как «непривилегированный» или «незаконный» комбатант вызывает возможность их неправильного применения в целях наделения определённых типов комбатантов или боевиков меньшими правами и защитой, на которые они имеют право в соответствии с МГП.

Еще одно важное событие, которое следует отметить в данном контексте, связано с согласованием определения преступления агрессии в тексте Римского статута Международного уголовного суда в 2010 году в ходе Конференции по обзору на высоком уровне. Текст статьи 8bis определяет преступление агрессии как «планирование, подготовку, инициирование или осуществление лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, акта агрессии, который в силу своего характера, серьезности и масштабов является грубым нарушением Устава Организации Объединенных наций». Несмотря на то, что достижение международного согласия касательно определения означает важный шаг с точки зрения развития и кодификации международного права в связи с тем, что один из его моментов заключается в том, что только государство может совершить преступление агрессии, этот вид международного преступления не обсуждается далее в настоящей серии модулей по противодействию терроризму E4J, поскольку негосударственные акторы, которые являются основным предметом изучения, как правило, не рассматриваются как относящиеся к сфере применения статьи 8bis (Cohen, 2012, стр.49-50).

Современное явление «иностранных боевиков-террористов»

Все большую озабоченность вызывает современное явление «иностранных боевиков-террористов», т.е. граждан одного государства, которые отправляются за границу для участия в боевых действиях на стороне негосударственных вооруженных групп на территории другого государства. В последнее время основное внимание уделяется иностранным боевикам, которые вступают в ряды ИГИЛ в Сирии и Ираке и создают серьезную угрозу для своих стран происхождения в связи с тем, что позиции ИГИЛ ослабевают и боевики возвращаются домой для продолжения своей насильственной террористической деятельности. Хотя точное число таких боевиков неизвестно, по оценкам оно составляет от 30 до 40 тысяч человек, однако, как ожидается, не все из них попытаются вернуться домой. Так, в Преамбуле (п. 12) резолюции Совета Безопасности 2178 (2014 г.) выражается особая озабоченность в отношении таких акторов, в то же время постановляющая часть резолюции, в том числе налагаемые правовые рамки, носит общий характер.

Международное сообщество как в рамках Совета Безопасности ООН, так и на национальном уровне, предпринимает различные меры по устранению соответствующих угроз, в том числе посредством военных методов, задержания, преследования за совершение террористических преступлений, запрета на выезд и даже отказа в гражданстве (см. Модуль 3). Хотя большинство используемых методов являются частью уголовного правосудия, МГП также может играть важную роль. Как и в случае любых других негосударственных акторов МГП применяется, когда боевики имеют связь с текущим вооруженным конфликтом в той же мере, что и в отношении любых других воюющих.

Что касается национальности боевиков, то это имеет некоторое значение в ситуациях международного вооруженного конфликта для определения того, предоставило удерживающее государство захваченному боевику статус военнопленного (государство может дать или не дать покровительствуемый статус своим захваченным гражданам - какой-либо последовательной практики государств в этом отношении не существует) и будет ли задержанный пользоваться статусом покровительствуемого лица в соответствии с Женевской конвенцией IV. В любом случае если иностранному боевику не предоставлен статус покровительствуемого лица, в контексте международного вооруженного конфликта он будет иметь право на минимальную защиту, гарантированную статьей 75 Дополнительного протокола I, что отражает нормы обычного международного права. В ситуациях немеждународного вооруженного конфликта национальность иностранных боевиков не имеет значения для их статуса или того, каким образом с ними должны обращаться в случае их захвата; эти же правила применяются к боевикам, вышедшим из строя (*hors de combat)*, в частности Общая статья 3 и Дополнительный протокол II наряду с другими нормами обычного международного права, как, например, оговорка Мартенса.

Международное гуманитарное право, терроризм и противодействие терроризму

Слияние терроризма и конфликта

С точки зрения применения МГП к ситуациям терроризма и противодействия ему важно понимать, что термин «террорист» в ситуациях вооруженного конфликта не имеет соответствующего правового значения и не определен в МГП. Как отмечалось ранее, действия, которые допускаются в ходе вооруженного конфликта согласно МГП, например атаки на законные военные цели, не являются террористическими актами. Наоборот, такие действия представляют собой саму суть вооруженного конфликта и, как таковые, никогда не должны рассматриваться как «террористические» в рамках как МГП, так и любого другого свода норм международного права (в том числе универсальных документов по борьбе с терроризмом). Это могло бы ошибочно привести к определению таких действий как незаконных и подлежащих криминализации. Вместо этого, лица, на законных основаниях принимающие прямое участие в военных действиях в ходе международного вооруженного конфликта, как это определяется МГП, имеют право на иммунитет «комбатанта» в отношении уголовного преследования со стороны задерживающего государства за законные акты войны. И наоборот, они могут преследоваться в уголовном порядке за совершение незаконных актов, например вероломства, которое классифицируется как военное преступление. (Полезным источником при подготовке этого раздела стала работа Pejic, 2012, Глава 7).

Если МГП не признает «террористов» как отдельную категорию акторов в ситуациях вооружённого конфликта, то оно признает и запрещает «террористические» акты. Любые такие акты, которые обычно будут отнесены к категории «террористических», как это понимается в контексте универсальных антитеррористических документов и подходов уголовного правосудия в мирное время, такие как преднамеренное совершение актов насилия против гражданских лиц или гражданских объектов, являются военными преступлениями согласно МГП и соответственно должны преследоваться в уголовном порядке. Например, захват заложников является преступлением в соответствии с

Международной конвенцией о борьбе с захватом заложников 1979 года. Аналогичным образом это запрещается Общей статьей 3 Женевских конвенций в ситуациях немеждународного вооружённого конфликта, а также статьей 34 Женевской конвенции IV, которая регулирует ситуации, когда лица в ходе международного вооруженного конфликта или оккупации находятся во власти стороны, находящейся в конфликте, или оккупирующей державы, гражданами которой они не являются. Захват заложников запрещается также двумя Дополнительными протоколами (статья 75(2)(c) Дополнительного протокола I; статья 4(2)(c) Дополнительного протокола II). Немаловажно также то, что МГП запрещает осуществление неизбирательных и несоразмерных атак, чьи характеристики схожи с террористическими атаками вне зависимости совершаются они в мирное время или в ситуациях вооруженного конфликта (см. далее, например, статья 51 Дополнительного протокола I).

Помимо этого в двух Дополнительных протоколах напрямую запрещаются акты насилия или угрозы насилия, имеющие основной целью терроризировать гражданское население или те лица, кто более не принимает участие в военных действиях. Статья 51(2) Дополнительного протокола I и статья 13(2) Дополнительного протокола II напрямую запрещают такие акты терроризма при ведении военных действий, устанавливая, что «акты насилия или угрозы насилия, имеющие основной целью терроризировать гражданское население, запрещены». Формулировка этого положения важна, поскольку используется для проведения различия между актами, имеющими основной целью терроризировать (запрещены согласно МГП), и актами угроз насилия в ходе обычных действий во время конфликта, которые хотя и, вероятно, приведут к террору среди гражданского населения, но не преследуют это в качестве основной цели и являются допустимыми при условии соблюдения всех других правил (см. МККК, 1987, п. 1940).

Международный трибунал по бывшей Югославии в деле *Галича*, вновь подчеркивая необходимость наличия умысла уголовного преступления (*mens rea*), заявил, что такие акты попадают под действие общего запрета на осуществление атак против гражданских лиц и что характер таких актов или угроз может варьироваться. Далее он отметил, что такой запрет основывается не только на нормах договорного права, но также нормах обычного международного права, нарушения которых являются военным преступлением. «Терроризм» также однозначно не допускается статьей 33 Женевской конвенции IV, которая запрещает «всякие меры запугивания или террора» в рамках коллективного наказания, которое может спровоцировать состояние террора, как и статьей 4(2)(d) Дополнительного протокола II, которая просто запрещает «в любое время и в любом месте....акты терроризма».

Во многих международных конвенциях и протоколах по вопросам предотвращения и противодействия терроризму содержатся оговорки в отношении военных сил и военного времени, согласно которым конвенции не распространяются на действия вооруженных сил во время вооруженного конфликта, регулируемого МГП. Например, в статье 19(2) Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года оговаривается следующее:

> Действия вооруженных сил во время вооруженного конфликта, как эти термины понимаются в международном гуманитарном праве, которые регулируются этим правом, не регулируются настоящей Конвенцией, как не регулируются ею и действия, предпринимаемые вооруженными силами государства в целях осуществления их официальных функций, поскольку они регулируются другими нормами международного права.

Применение МГП никоим образом не препятствует или не мешает осуществлению мер реагирования уголовного правосудия на террористические акты, включая криминализацию совершения, сговор и финансирование террористических актов. МГП не является препятствием для привлечения преступников к ответственности системой уголовного правосудия. МККК неоднократно подчеркивал, что соблюдение МГП никоим образом не является препятствием для законного ведения эффективных контртеррористических операций. Так, полное соблюдение норм МГП в ходе контртеррористической деятельности вносит позитивный вклад в ликвидацию терроризма, основная задача которого заключается в подрыве принципа верховенства права. Любые «грубые нарушения» МГП могут стать предметом уголовного преследования не только со стороны государств, на территории которых было совершено преступление или чьи граждане пострадали в результате него, но также любого государства в соответствии с принципом универсальной юрисдикции; в противном случае применяется международная юрисдикция.

Текущие разногласия и сложности

Сложности такого рода и связанные с ними разногласия, вероятнее всего, будут продолжаться. Характер ведения военных действий хорошо оснащенными и организованными государствами против зачастую плохо организованных и (или) оснащенных вооружённых групп привел к все больше и больше ассиметричным конфликтам. Об этом свидетельствует технологическое и военное превосходство возглавляемой США коалиции против «Талибана» и «Аль-Каиды» в Афганистане после военного вторжения в страну в 2001 году и до ее ухода в 2016 году (однако, можно ожидать обратную переброску участниками коалиции значительного количества военнослужащих, в том числе США), а также международные усилия по борьбе с ИГИЛ в Сирии и Ираке. Неравный баланс военных сил часто заставляет противостоящие им группы уходить в подполье и прибегать к средствам и методам, противоречащим МГП. В результате военные столкновения часто происходят в густонаселенных районах, что не только подвергает гражданское население повышенной опасности и возможности использования их в качестве «живого щита» (что запрещено МГП); но и способствует прямому участию гражданских лиц в незаконных, иногда вероломных, формах войны (например, неправомерное использование гражданской одежды для нападения на противника, осуществление неизбирательных нападений и нападений на незаконные гражданские цели или покровительствуемых лиц). Помимо этого, неверное отнесение действий, которые являются законными в соответствии с МГП, к категории «террористических» снижает мотивацию негосударственных вооруженных групп для ведения боевых действий в соответствии с МГП, если их действия имеют аналогичные последствия. Отнесение таких действий к категории террористических также негативно сказывается на перспективе предоставления амнистии для прекращения немеждународного вооруженного конфликта (статья 6(5) Дополнительного протокола II).

Эти и другие проблемы создают напряжённость в осуществлении основополагающих принципов МГП, в частности концепций отсутствия взаимности и равноправия воюющих. МГП не ставит задачу определить законность тех идей, которыми руководствуются воюющие (за исключением, пожалуй, самоопределения); напротив, его цель состоит в том, чтобы обеспечить равную защиту покровительствуемых лиц и объектов, пострадавших от конфликтов, которая не предусмотрена в рамках правовой базы по противодействию терроризму. Также важно, что МГП не придает легитимности негосударственным вооруженным группам, являющимся стороной в немеждународном вооруженном конфликте (см., например, статью 3 Дополнительного протокола II, которая гарантирует суверенитет государств, в том числе их обязанность поддерживать

правопорядок в государстве). В случае несоблюдения принципа отсутствия взаимности, это негативно сказывается на готовности как государственных вооруженных сил, так и негосударственных вооруженных группировок выполнять свои обязательства в полном соответствии с МГП, тем самым создавая дополнительную угрозу гражданскому населению.

Эти и другие факторы, подрывающие фундаментальные принципы МГП, являются и будут оставаться предметом серьезной озабоченности для МККК в качестве органа, осуществляющего контроль за соблюдением МГП. Действительно, некоторые контртеррористические меры и риторика во многом содействовали размыванию границ между вооруженным конфликтом и терроризмом, что подвергает риску сами принципы, лежащие в основе МГП. Например, со стороны некоторых стран наблюдается общая тенденция рассматривать любой акт насилия, осуществляемый негосударственной вооруженной группой в вооруженном конфликте, как «террористический» по определению даже в тех случаях, когда подобные акты по сути дела являются законными в соответствии с МГП. Частично это можно объяснить нежеланием государств обеспечить какую-либо форму признания или легитимности в отношении негосударственных вооруженных групп на своей территории, в том числе посредством отнесения любой внутренней вооруженной борьбы к разряду немеждународного вооруженного конфликта.

Также потенциальным негативным последствием того, что государства с готовностью используют ярлык террориста может стать криминализация в иных обстоятельствах законного и соответствующего обеспечения гуманитарной помощи. Такая ситуация может возникнуть в случае определения негосударственной вооруженной группы, являющейся стороной в немеждународном вооруженном конфликте, в качестве «террористической организации». Это может означать, что она будет признана террористической организацией государствами, региональными организациями и ООН. В свою очередь объявление такой группы вне закона может сделать невозможным оказание обычной гуманитарной поддержки, которая может классифицироваться как уголовное деяние за оказание «материальной помощи» и «услуг», «предоставление помощи» и «поддержание связей» с террористической организацией. В ответ на это в своем докладе 2011 года МККК подчеркнул, что государства должны стремиться к более полному пониманию необходимости гармонизировать политику и правовые обязательства в гуманитарной области и контртеррористической деятельности с тем, чтобы выполнять, а не подрывать соответствующие цели (МККК, 2015). Примечательно, что МККК имеет мандат, сформулированный в договорном праве и определенный в Уставе, в том числе в Женевских конвенциях, взаимодействовать с негосударственными вооруженными группами, в том числе в рамках его ключевой роли в поощрении укрепления и уважения МГП всеми сторонами конфликта.

Взаимосвязь между международным гуманитарным правом и международным правом в области прав человека

Последним важным аспектом является взаимосвязь между МГП и международным правом в области прав человека ввиду того, что эта дихотомия находит отражение в ряде других вопросов, рассматриваемых в рамках этого курса, например право на жизнь и лишение свободы в ситуациях вооруженного конфликта.

Исходным условием является то, что в ситуациях вооруженного конфликта МГП служит основным применяемым правовым режимом, т.е. *lex specialis*, регулирующим ведение военных действий и защиту лиц в ситуациях вооруженного конфликта. Такая предпосылка требует наличия связи между определёнными действиями или обращением и каким-либо продолжающимся конфликтом. В случаях, когда установить такую связь не представляется возможным, применяются обычные для мирного времени меры уголовного правосудия. Несмотря на то, что правовые нормы в области прав человека продолжают действовать во время вооруженного конфликта, формы совместного применения правовых режимов остаются неурегулированными. Однако неоспоримым остается тот факт, что эти два свода правовых норм – МГП и право в области прав человека – имеют общие основные и фундаментальные ценности. (Полезным источником при подготовке этого раздела стала работа Melzer, 2016).

МГП уже представляет собой фундаментальные, неоспоримые, минимальные стандарты в области прав человека. В отличие от международного права в области прав человека, которое предусматривает возможность отступления от некоторых прав человека во время чрезвычайного положения (см. Модуль 7), в том числе в ситуациях вооруженного конфликта, во время которых оно продолжает применяться, МГП уже представляет собой минимальные стандарты, которые не могут быть еще более снижены. При этом МГП и международное право в области прав человека имеют «общее ядро неотъемлемых прав и общую цель защиты человеческой жизни и достоинства» (*Абелла против Аргентины*, 1997, п. 183). Часто оба режима применяются одновременно, регулируя такие вопросы, как право на справедливое судебное разбирательство, гуманное обращение под стражей и запрет на пытки. Защитные положения, предусмотренные международным правом в области прав человека, тем не менее, обычно предлагают более широкие уровни защиты (например, в отношении произвольного или неправомерного обращения со стороны государственных властей) и остаются актуальными в ситуациях вооруженного конфликта.

Между этими двумя правовыми режимами существует ряд важных концептуальных различий. Одно из них заключается в том, что международное право в области прав человека связано с юрисдикцией государств, что, как правило, подразумевает их физическую территорию, хотя в некоторых случаях, если удовлетворены определённые критерии, его обязательства могут быть распространены на физическую территорию другого государства (Международный суд, 2004, п. 109).

Другое различие заключается в том, что в отличие от международного права в области прав человека МГП не предусматривает какого-либо правоприменительного механизма в отношении людей, чьи базовые права были нарушены, вместо этого оно концентрируется на применении международного уголовного права для преследования тех лиц, которые нарушили такие права, например военные преступления. С учетом

вышесказанного, в некоторых аспектах сфера действия МГП шире, чем международного права в области прав человека. Например, МГП не ограничивается защитой лиц, а охватывает также скот, гражданские объекты, культурные ценности, окружающую среду и так далее. Помимо этого, в отличие от международного права в области прав человека, имеющего обязательную силу для государств, МГП является обязательным для всех сторон вооруженного конфликта, включая негосударственных акторов, которые в настоящее время представляют одни из наиболее важных вызовов, связанных с терроризмом, в ситуациях вооруженных конфликтов.

Право на жизнь

Время от времени важные концептуальные и правовые различия могут привести к напряжённости в применении этих двух правовых режимов. Один из примеров, имеющий особое значение в контексте мер противодействия терроризму, связан с правом на жизнь. МГП разрешает лишать такого права лиц, принимающих прямое участие в военных действиях, таких как негосударственные вооруженные акторы, по соображениям военной необходимости с целью установления баланса между ними и соображениями гуманности. В результате все принципы МГП учитывают необходимость защиты лиц от жестокости войны и, как таковые, могут рассматриваться как конкретизирующие право на жизнь. Так, например, принцип проведения различий, предусматривающий, что гражданские лица и гражданские объекты не могут быть объектами прямого нападения во время вооруженных конфликтов, защищает гражданские лица в вооруженном конфликте. Прямое нападение на гражданских лиц запрещено, и множество других норм аналогичным образом защищает гражданскую жизнь (и, в некоторой степени, жизнь комбатантов) на войне. То, насколько право в области прав человека должно применяться в ходе войны, широко обсуждается, при этом четкого представления пока нет. Дискуссии на тему убивать или брать в плен являются знаковыми для таких обсуждений. Этот вопрос возникает в связи с тем, должно ли государство при возможности брать комбатантов в плен, а не убивать их, при этом разные ученые придерживаются разных мнений в этом отношении.

В противоположность этому международные правовые нормы прав человека направлены на защиту жизни, устанавливая запрет на любое произвольное или ненужное лишение жизни вне зависимости от статуса лица, в том числе согласно МГП. При возникновении такой напряженности между двумя и более правовыми режимами, вопросы обычно урегулируются посредством принципа *lex specialis* там, где это возможно. Это позволяет специальному правовому режиму, такому как МГП, иметь преобладающую силу в отношении любых других противоречащих и более общих норм права (*lex generalis*). Таким образом, любые вопросы, возникающие в отношении, например произвольного лишения жизни в ходе военных действий, будут рассматриваться через правовую призму МГП (Международный суд, 1996, п. 25). Аналогичным образом, несмотря на то, что интернирование/задержание гражданского лица или военнопленного технически противоречит принципу свободы и безопасности согласно международному праву в области прав человека (см. Модуль 10), это допускается *lex specialis* МГП (в частности, Женевские конвенции 1949 года III и IV).

Дети, участвующие в военных действиях

Еще одним вопросом, вызывающим обеспокоенность международного сообщества, является участие детей в вооруженном конфликте. Признавая, что дети требуют особой защиты, в том числе из-за пагубного и повсеместного воздействия вооруженных конфликтов на детей, в Факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка, касающемся участия детей в вооруженных конфликтах 2000 года устанавливается ряд обязательств для государств-участников, предусматривающих, например запрет на прямое участие детей (т.е. лиц, не достигших 18-летнего возраста) в военных действиях (п. 1 и 4).

Особые моральные дилеммы и правовые вопросы возникают в контексте военных контртеррористических операций, в которых принимают участие дети, в частности поскольку МГП и международное право в области прав человека требуют обеспечения особой защиты в отношении детей. Вполне обоснованно, что есть много болезненных вопросов, связанных с использованием в качестве объекта нападения детей-солдатов, когда они непосредственно вовлечены в военные действия как в качестве комбатантов, так и гражданских лиц, принимающих прямое участие в военных действиях, и создают реальную угрозу. Provost предположил, что правовая позиция заключается в том, что когда этого требует военная необходимость и других приемлемых альтернативных ответных мер не существует, то в качестве крайней меры может считаться допустимым нападение на таких детей. Любое нападение на детей, не достигающее этого более высокого и более ограничительного стандарта по сравнению с взрослыми, вероятнее всего, будет являться нарушением норм договорного и обычного права, запрещающих причинение чрезмерных повреждений и ненужных страданий (Provost, 2016).

Ментальный вред vs. физический вред

Еще один аспект, который заслуживает упоминания, касается ментального вреда, причинённого в контексте вооруженного конфликта, как в результате действий террористических акторов, так и государственных контртеррористических мер, например, чрезмерного (или, по крайней мере, частого) использования беспилотных летательных аппаратов (дронов) в районах, где проживают гражданские лица. Это может вызвать значительное потрясение и высокий уровень психического беспокойства, даже вреда, например, из-за страха, связанного с использованием таких дронов иностранными военными в разных целях - от наблюдения до целенаправленного уничтожения в любое время. По состоянию на 2018 год, МГП не предусматривает нормы, регулирующие причинение ментального вреда помимо физического вреда (*de lege lata*). Ключевым вопросом в этой связи является то, должно ли МГП предусматривать причинение психологического вреда, в том числе в рамках определения степени соразмерности (*de lege ferenda*).

Упражнения и тематические исследования (кейсы)

Данный раздел содержит предложения по аудиторным или подготовительным учебным упражнениям, в то время как задание для выполнения после занятия, предназначенное для оценки понимания учащихся, предложено в отдельном разделе.

Упражнения в этом разделе лучше всего подходят для групп до 50 учащихся, которых можно легко разделить на небольшие группы для обсуждения примеров или проведения работы перед тем, как представители группы представят ее результаты всей аудитории. Несмотря на то, что можно иметь такую же структуру из небольших групп в большой аудитории, состоящей из нескольких сотен учащихся, это более сложно, и лектор, возможно, пожелает адаптировать методы работы с группами, обеспечив достаточное время для групповых обсуждений и представления обратной связи всей аудитории. Самый простой способ провести обсуждения в небольших группах в большой аудитории - попросить учащихся обсудить вопросы с четырьмя или пятью учащимися, сидящими рядом с ними. Учитывая ограничение по времени, не все группы смогут предоставить обратную связь в каждом упражнении. Лектору рекомендуется делать произвольный выбор и пытаться предоставить возможность обратной связи хотя бы один раз за время занятия всем группам. Если время позволяет, лектор может провести общее обсуждение после представления каждой группой обратной связи.

Все упражнения в этом разделе подходят как для студентов магистратуры, так и бакалавриата. Однако, поскольку знания учащихся перед началом обучения и то, насколько они сталкивались с ними, сильно отличаются, решения о целесообразности упражнений должны основываться на их образовательном и социальном контексте.

Упражнение 1: Встряхнуть класс (см. Методическое пособие)

Поскольку основное внимание в данном Модуле уделяется терроризму и мерам противодействия терроризму в контексте вооруженного конфликта, регулируемого МГП, а не введению в МГП, для того чтобы учащиеся получили максимальную пользу от обучения важно, чтобы они были, по крайней мере, ознакомлены с основополагающими концепциями и принципами МГП до начала занятия. Одним из способов сделать это – использовать упражнение «встряхнуть класс», в данном случае попросить учащихся провести подготовительную работу до начала занятия, чтобы можно было предположить, что они имеют, по крайней мере, базовое понимание ключевых концепций, что позволило бы лектору сконцентрироваться на более специализированных вопросах, связанных с терроризмом и контртеррористическими мерами.

Существует множество различных материалов, которые могут быть использованы для этого. Например, можно предложить учащимся:

- Посмотреть короткое видео до начала класса, например: МККК (2014). Коротко о правилах войны; и (или)
- Прочесть ознакомительные материалы по МГП, например: Глава 1 «Введение в МГП» в Nils Melzer (2016). *Международное гуманитарное право: Общий курс.* МККК.

Кейс 1: Классификация вооруженных конфликтов

Обсудите с учащимися ключевые принципы, затронутые в данном кейсе:

*Прокурор против Милошевича *:*

В данном деле понятие вооруженного конфликта продолжает развиваться Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии. В частности, после представления ходатайства amicus curiae с утверждением, что никакого вооруженного конфликта в Косово не было до 24 марта 1999 года (начало бомбардировок НАТО), суд рассматривал основные критерии, определяющие существование немеждународного вооруженного конфликта в отличие от «терроризма» или просто внутренних беспорядков. В соответствии с фактами, которые возникли до этой даты, было заявлено, что нет оснований для предъявления обвинений в совершении военных преступлений по смыслу статьи 3 Статута Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии. Как утверждалось, до 24 марта 1999 года конфликт между Сербией и Армией освобождения Косова (АОК) не представлял собой длительное применение вооруженного насилия; это были только «акты бандитизма, неорганизованные и краткосрочные восстания или террористическая деятельность». Также Совет Безопасности в своей резолюции 1160 (1998) осудил вспышку насилия как со стороны сербской «полиции», так и «террористические акты» Армии освобождения Косова (АОК).

В тоже время, Судебная палата установила наличие признаков внутреннего вооруженного конфликта в деле *Прокурор против Душко Тадича (Решение (Апелляционная палата) от 2 октября 1995 г.,* IT-94-1-AR72, п. 67-70) и приняла во внимание следующие факторы, позволяющие оценить интенсивность: масштаб мер реагирования сербских властей на действия АОК; распространение конфликта по территории; увеличение численности государственных сил и видов применяемого оружия. Палата отметила, что контроль над территорией, осуществляемый повстанцами, не является критерием наличия немеждународного вооруженного конфликта. Также были сделаны ссылки на решения других палат, которые рассматривали такие факторы, как серьезность нападений и было ли увеличение количества вооруженных столкновений, распространение столкновений на территории и с течением времени, какое-либо увеличение численности правительственных войск, мобилизация и раздача оружия среди членов обоих сторон конфликта, а также привлек ли данный конфликт внимание Совета Безопасности и были ли приняты соответствующие резолюции. Палата указала на факт, что АОК имела генеральный штаб, который назначал командиров зон, отдавал указания подразделениям и выпускал обращения к населению. Командиры зон отдавали приказы, в соответствии с которыми, как правило, и действовали подчиненные им подразделения. Были предприняты шаги для введения дисциплинарного порядка и военной полиции, а также вербовки, подготовки и снаряжения новых членов.

* *Прокурор против Милошевича, решение по ходатайству об оправдании (Судебная палата)* от *16 июня 2004 г.*, Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии, IT-02-54-T.

См.: Obradovíc, Konstantin (2000). *Международное гуманитарное право и косовский кризис.* МККК. 30 сентября. (Конфликт между ОАК и Сербией как ситуация, предусмотренная Протоколом II к Женевским конвенциям, а не терроризм).

Кейс 2: МГП, вооруженный конфликт и терроризм

Обсудите с учащимися ключевые принципы, затронутые в данном кейсе:

Италия против Абдельазиза (Буахия Махер Бен) и других:*

В этом деле итальянский Кассационный суд провел разграничение между актами терроризма, как они определяются в международном праве, и другими схожими явлениями, например, актами, совершаемыми боевиками, входящими в национальное освободительное движение. Ранее в итальянском законодательстве такие понятия как партизанская война, национально-освободительная война и бойцы за свободу рассматривались как синонимы. Более того, такие термины также применялись в целом для обозначения действий тех, кто принимал участие в других формах борьбы против притеснения и оккупации, и в силу этого негосударственные боевики имели право на защиту при условии, что они борются за свое право на самоопределение.

Ответчиками являлись иностранные граждане, которые обвинялись помимо пособничества и соучастия в нелегальной миграции в преступлении «соучастия в целях осуществления международного терроризма в Италии и за рубежом» в соответствии со статьей 270*bis* Уголовного кодекса Италии. Их обвиняли в вербовке и отправке в Ирак и другие зоны военных действий добровольцев для прохождения подготовки в качестве исламских боевиков. Они также были связаны в Италии с группой, ассоциированной с организацией под названием «Ансар-аль-Ислам», штаб-квартира которой находилась в Ираке. Суд должен был решить, должна ли поддержка военизированной подготовки на Ближнем Востоке для осуществления актов насилия в Ираке или других местах классифицироваться как терроризм в рамках внутреннего законодательства.

Суды первой и второй инстанции (т.е. Трибунал и Апелляционный суд), основываясь на правовом режиме Женевских конвенций, признали подсудимых невиновными в совершении террористических деяний, поскольку соответствующие акты были признаны деяниями в рамках освободительного конфликта, произошедшего в другом месте. Верховный суд пришел к противоположному заключению, приняв во внимание более жесткое определение терроризма, содержащееся в Международной конвенции 1999 года о борьбе с финансированием терроризма, подкрепленной резолюцией Совета Безопасности 1373 (2001) (S/RES/1373 (2001)).

**Италия против Абдельазиза (Буахия Махер Бен) и других, Окончательное решение по обжалованию от 17 января 2007 г., Верховный кассационный суд* (Италия), No. 1072 (Official Case No) (2007), 17 *Guida al Diritto* 90, *ILDC* 559.

См. дополнительно Aleni, Lucia (2008). "Distinguishing Terrorism from Wars of National Liberation in the Light of International Law: A View from Italian Courts." *Journal of International Criminal Justice*, vol. 6, issue 3, pp. 525-539. *(«Отделение терроризма от национально-освободительной войны в свете международного права: позиция итальянских судов»*); и Cassese, Antonio (2006). "The Multifaceted Criminal Notion of Terrorism in International Law." *Journal of International Criminal Justice,* vol. 4, issue 5, pp. 933-958. («*Многоаспектное уголовное понятие терроризма в международном праве»)*

Возможная структура занятия

Этот раздел содержит рекомендации по последовательности обучения и времени, необходимого для достижения результатов обучения путем проведения трехчасового занятия. Лектор может пожелать пропустить или сократить некоторые элементы, чтобы выделить больше времени на другие элементы, включая введение, комментарии, помогающие завязать разговор, заключение или короткие перерывы. Структура также может быть адаптирована для более коротких или длительных занятий, учитывая, что продолжительность занятий в разных странах отличается.

- 0 - 10 мин Краткое представление вопроса, результатов обучения по итогам сессии и ее структуры.
- 10-25 мин Обсуждение основных принципов МГП; представление имеющихся онлайн-ресурсов МККК, в том числе видео о принципах МГП.
- 25-45 мин *Выполнение упражнения 1: Встряхнуть класс* (если предварительная работа была проведена до начала занятия).
- 45-50 мин Перерыв.
- 50-80 мин Изучение классификации вооруженных конфликтов. Кейс *1: Классификация вооруженных конфликтов*. Обсуждение окончания военных действий.
- 80-120 мин Обсуждение классификации лиц, в том числе различий между «комбатантами», «боевиками» и «террористами». *Обсуждение кейса 2: МГП, вооруженный конфликт и терроризм*.
- 120-125 мин Перерыв.
- 125-150 мин Изучение МГП, терроризма и контртеррористических мер, в том числе сохраняющихся противоречий.
- 150-175 мин Обсуждение взаимосвязи между МГП и международным правом в области прав человека.
- 175-180 мин В случае необходимости представление вопросов оценки с соответствующими критериями оценивания.

Основная литература

В данном разделе представлен список материалов, имеющихся в свободном доступе, которые лектор может попросить учащихся прочитать перед проведением занятия по данному модулю.

Основные принципы международного гуманитарного права (МГП)

- Blum, Gabriella, and Philip Heymann (2010). "Law and Policy of Targeted Killing." *Harvard National Security Journal*, vol. 1, pp. 145-170. *(«Право и политика целенаправленного убийства»)*
- Melzer, Nils (2016). *International Humanitarian law: A Comprehensive Introduction*. ICRC: Geneva. (*«Международное гуманитарное право: Общий курс»)*
- Meron, Theodor (2006). *The Humanization of Humanitarian Law*. The Hague Academy of International Law. Martinus Nijhoff: Leiden. *(«Гуманизация гуманитарного права»)*

Классификация вооруженных конфликтов

- Sassòli, Marco, Antoine Bouvier and Anne Quintin (2011). *How Does Law Protect in War?* ICRC: Geneva, especially Chs. 2 and 12. («*Как защищает право на войне?»)*
- Vité, Sylvain (2009). "Typology of Armed Conflicts in international humanitarian law: Legal concepts and actual situations." *International Review of the Red Cross*, vol. 91, no. 873, pp. 69–94. («*Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации»)*
- МККК (2008). How is the Term "Armed Conflict" Defined in International Humanitarian Law? Opinion Paper. 17 March. *(«Как термин «вооруженный конфликт» определяется в международном гуманитарном праве?»)*

Классификация лиц

- МККК (2011). "Understanding armed groups and the applicable law." *International Review of the Red Cross*, vol. 93, no. 882. (Includes a number of relevant articles). *(«Понимание вооруженных групп и применимого права»)*
- Pejic, Jelena (2011). "The protective scope of Common article 3: More than meets the eye." *International Review of the Red Cross*, vol. 93, no. 881, pp. 189-225. («*Защитное действие Общей статьи 3: Больше, чем кажется на первый взгляд»)*

МГП и терроризм

- МККК (2015). *The applicability of IHR to terrorism and counterterrorism*. 1 October. *(«Применимость МГП к терроризму и контртеррористическим мерам»)*
- МККК (2016). *Terrorism, counter-terrorism and international humanitarian law*. 17 October. («Терроризм, контртерроризм и международное гуманитарное право»)

МГП и международное право человека

- Abresch, William (2005). "A Human Rights Law of Internal Armed Conflict: The European Court of Human Rights in Chechnya." *European Journal of International Law,* vol. 16, no. 4, pp. 741-767. («*Право в области прав человека во внутреннем вооруженном конфликте: Европейский суд по правам человека в Чечне»)*
- Cerone, John (2007). "Jurisdiction and Power: The Intersection of Human Rights Law & The Law of Non-International Armed Conflict in an Extraterritorial Context." *Israel Law Review,* vol. 40, p. 396-452. *(«Юрисдикция и власть: Пересечение права в области прав человека и права немеждународного военного конфликта в экстерриториальном контексте»)*

Дополнительная литература

Данный раздел содержит рекомендуемую дополнительную литературу для учащихся, заинтересованных в изучении вопроса (-ов) Модуля более подробно, а также для лекторов, обучающих по Модулю.

Основные принципы МГП

- Dinstein, Yoram (2016). *The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict,* 3rd ed. Cambridge University Press. *(«Ведение военных действий в соответствии с нормами международных вооруженных конфликтов»)*
- Duffy, Helen (2015). *The 'War on Terror' and the Framework of International Law,* 2nd ed. Cambridge University Press. Ch. 6. («*Война с террором и рамки международного права»)*
- Fleck, Dieter, ed. (2013). *The Handbook of International Humanitarian Law,* 3rd ed. Oxford University Press. (*«Справочник по международному гуманитарному праву»)*
- Jachec-Neale, Agnieszka (2014). *The Concept of Military Objectives in International Law and Targeting Practice.* Routledge Research in the Law of Armed Conflict. («*Понятие военных целей в международном праве и военной практике*»)
- Henderson, Ian (2011). "The Contemporary Law of Targeting: Military Objectives, Proportionality and Precautions in Attack under Additional Protocol I." *Journal of Conflict and Security Law*, vol. 16, p. 411. («*Современное право нападения: Военные цели, соразмерность и меры предосторожности при проведении нападений согласно Дополнительному протоколу I»)*
- Sivakumaran, Sandesh (2012). *The Law of Non-International Armed Conflict.* Oxford University Press. *(«Правовые нормы немеждународного вооруженного конфликта»)*

Классификация вооруженных конфликтов

- Duxbury, Alison (2007). "Drawing Lines in the Sand – Characterising Conflicts for the Purposes of Teaching International Humanitarian Law." *Melbourne Journal of International Law,* vol. 8, issue 2, pp. 259-273. (*«Выдвигая ультиматум - Определение конфликтов в целях преподавания международного гуманитарного права»)*

- МККК (2008). "Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law." *International Review of the Red Cross,* vol. 90, no. 872, pp. 991-1047. *(«Руководящие принципы толкования понятия прямого участия в военных действиях по международному гуманитарному праву»)*
- Kretzmer, David (2009). "Rethinking the Application of IHR in Non-International Armed Conflicts." *Israel Law Review*, vol. 42, issue 1, pp. 8-45. («*Переосмысление применения МГП в немеждународных вооруженных конфликтах»)*
- Stewart, James G. (2003). "Towards a Single Definition of Armed Conflict in International Humanitarian Law: A Critique of Internationalized Armed Conflict." *International Review of the Red Cross,* vol. 85, no. 850, pp. 313- 350. («*На пути к единому определению вооруженного конфликта в международном гуманитарном праве: Критический анализ интернационализированного вооруженного конфликта»)*

Классификация лиц

- Aldrich, George H. (2002). "The Taliban, al-Qaeda and the Determination of Illegal Combatants." *American Journal of International Law,* vol. 96, no. 4, pp. 891-898. *(«Талибан», «Аль-Каида» и определение незаконных комбатантов»)*
- Bilkova, Veronika (2009). "Talking about Unlawful Combatants? A Short and Concise Assessment of a Long and Multifaceted Debate." *Central European Journal of International and Security Studies,* vol. 2, issue 3. («*Разговор о незаконных комбатантах? Краткое и точное определение длительного и многостороннего обсуждения»)*
- Bellal, Annyssa, Gilles Ciacca, and Stuart Casey-Maslen (2011). "International law and armed non-state actors in Afghanistan." *International Review of the Red Cross,* vol. 93, no. 881, pp. 47-79. («*Международное право и вооруженные негосударственные акторы в Афганистане»)*
- Dormann, Knut (2003). "The Legal Situation of 'Unlawful/Unprivileged Combatants'." *International Review of the Red Cross,* vol. 85, issue. 849, pp. 45-74. *(«Правовая ситуация «незаконных»/ «непривилегированных комбатантов»)*
- Reed, Alastair, Johanna Pohl and Marjolein Jegerings (2017). *The Four Dimensions of the Foreign Fighter Threat: Making Sense of an Evolving Phenomenon*. Policy Brief. International Centre for Counter-Terrorism: The Hague. («*Четыре измерения угрозы иностранных боевиков-террористов: Осмысление возникающего феномена»)*
- Richemond-Barak, Daphné (2012). "Applicability and Application of the Laws of War in Modern Conflicts." *Florida Journal of International Law*, vol. 23, p. 327. *(«Применимость и применение законов войны в современных конфликтах»)*
- Richemond-Barak, Daphné, and Victoria Barber (2016). "Foreign Volunteers or Foreign Fighters? The Emerging Legal Framework Governing Foreign Fighters." *Opinio Juris, 6th May. («Иностранные добровольцы или иностранные боевики? Возникновение правовой базы, регулирующей иностранных боевиков»)*

МГП и терроризм

- Cryer, Robert (2002). "The Fine Art of Friendship: *Jus in Bello* in Afghanistan." *Journal of Conflict and Security Law,* vol. 7, issue 1, pp. 37-83. *(«Искусство дружбы: Право войны (Jus in Bello) в Афганистане»)*
- Greenwood, Christopher (2002). "International law and the 'war against terrorism'." *International Affairs,* vol. 78, no. 2, pp. 301-317. («*Международное право и «война с терроризмом»)*

- Lamp, Nicholas (2011). "Conceptions of War and Paradigms of Compliance: The 'New War' Challenge to International Humanitarian Law." *Journal of Conflict and Security Law,* vol. 16, issue 2, pp. 225-262. («*Концепции войны и парадигмы соблюдения: Проблема «новой войны» в международным гуманитарным правом)*
- Marks, Stephen P. (2006). "International Law and the 'War on Terrorism': Post 9/11 Responses by the United States and Asia Pacific Countries." *Asia Pacific Law Review*, vol. 14, issue 1 pp. 43-74. *(«Международное право и «война с терроризмом»: Ответные меры США и стран Азиатско-тихоокеанского региона после 11 сентября»)*

МГП и международное право в области прав человека

- Eden, Paul, and Matthew Happold (2009). "Symposium: The Relationship between International Humanitarian Law and International Human Rights Law." *Journal of Conflict & Security Law,* vol. 14, issue 3, pp. 441-447. («*Симпозиум: Взаимоотношение между международным гуманитарным правом и международным правом прав человека»)*
- Goodman, Ryan (2013). "The Power to Kill or Capture Enemy Combatants." *European Journal of International Law*, vol. 24, no. 3, p. 819-853. *(«Право убивать или брать в плен вражеских комбатантов»)*
- Hamilton, Carolyn, and Tabatha Abu El-Haj (1997). "Armed Conflict: The protection of children under international law." *International Journal of Children's Rights*, vol. 5, issue 1, pp. 1–46. *(«Вооруженный конфликт: Защита детей в соответствии с международным правом»)*
- Hampson, Francoise J. (2008). "The relationship between international humanitarian law and human rights law from the perspective of a human rights treaty body." *International Review of the Red Cross,* vol. 90, no. 871, pp. 549-572. *(«Взаимоотношение между международным гуманитарным правом и правом в области прав человека с точки зрения договорного органа по правам человека»)*
- Hill-Cawthorne, Lawrence (2015). "Humanitarian Law, Human Rights Law and the Bifurcation of Armed Conflict." *International & Comparative Law Quarterly,* vol. 64, issue 2, p. 293-325. *(«Гуманитарное право, право в области прав человека и бифуркация вооруженного конфликта»)*
- Lieblich, Eliav (2014). Beyond Life and Limb: Exploring Incidental Mental Harm under International Humanitarian Law. In *Applying International Humanitarian Law in Judicial and Quasi-Judicial Bodies*, Derek Jinks, Jackson N Incidental Mental Harm. Maogoto, Solon Solomon, eds. Springer. p. 186. *(«Не только жизнь и здоровье: Исследование вопроса случайного психического вреда в рамках международного гуманитарного права»)*
- Pejic, Jelena (2011). "The European Court of Human Rights' *Al-Jedda* judgment: the oversight of international humanitarian law." *International Review of the Red Cross,* vol. 93, no. 883, pp. 837-851. («*Решение Европейского суда по правам человека по делу Аль-Джедда: обзор международного гуманитарного права»)*
- Tamura, Eriko (2011). "The *Isayeva* Cases of the European Court of Human Rights: The Application of International Humanitarian Law and Human Rights Law in Non-International Armed Conflicts." *Chinese Journal of International Law,* vol. 10, issue 1, pp. 129-140. («*Дело Исаевой Европейского суда по правам человека: Применение международного гуманитарного права и права в области прав человека в немеждународных вооруженных конфликтах»)*

Оценка учащихся

В данном разделе представлены предложения по заданиям для учащихся после занятия с целью оценки понимания ими модуля. Предложения по заданиям до и во время занятия представлены в разделе «Упражнения». Для оценки понимания учащимися Модуля предлагаются следующие задания после занятий:

Вопросы для оценки

- Каковы основные характеристики подхода военного/вооруженного конфликта к противодействии терроризму? Как отличается его правовая база от базы, применяемой в рамках подхода системы уголовного правосудия?
- «Война с терроризмом закончится, когда терроризм будет побежден». Когда это произойдет, если вообще произойдет? Обсудите этот вопрос, в частности, в контексте международного гуманитарного права (МГП).
- Почему МГП проводит различие между международными вооруженными конфликтами и немеждународными вооруженными конфликтами? Каковы последствия такого разграничения?
- Критически оцените правовой статус «боевиков» ИГИЛ в Ираке и Сирии, участвующих в военных действиях, через призму МГП. Являются ли они террористами, сторонами конфликта (если так, то какого конфликта), или теми и другими?
- Каковы правовые последствия совершения уголовных актов в ситуациях вооруженного конфликта для террористов, не являющихся сторонами конфликта?
- Обсудите, каким образом международное право в области прав человека применяется в ситуациях вооруженного конфликта, приведя примеры конкретных прав. Как будет отличаться охват и сфера применения этих же прав в мирное время?
- Критически оцените основные аргументы «за» и «против» третьей категории «незаконных» или «вражеских» комбатантов. Объясните, приведя причины, какая позиция, по вашему мнению, будет правильной.
- Каковы риски и последствия с точки зрения многодисциплинарного подхода, связанные с определением лица в качестве террориста? Пожалуйста, приведите пример в поддержку ваших доводов.

Дополнительные учебные инструменты

В данном разделе приведены ссылки на соответствующие средства обучения, такие как слайды в формате PowerPoint, видеоматериалы, кейсы и другие ресурсы, которые могут помочь лектору преподавать вопросы, охватываемые Модулем. Слайды и другие ресурсы могут быть адаптированы лектором.

Презентации в формате PowerPoint

- Презентация для Модуля 6 (Подходы в рамках военного/вооруженного конфликта к противодействию терроризму) [доступны по ссылке]

Видеоматериал

- **Принципы международного гуманитарного права (МГП):** МККК разработал ряд обучающих серий по МГП в формате видео:
  - Серия 1 – МГП и гуманитарные принципы
  - Серия 2 – Использование оружия взрывного действия в населённых районах
  - Серия 3 – Последние развития во взаимодействии между МГП и международным правом в области прав человека

- **Взаимосвязь между парадигмами ведения военных действий и правоприменением:** На данном вебинаре обсуждались заключения, изложенные в Докладе совещания экспертов* о различиях между парадигмами ведения военных действий и правоприменением.

* Gaggioli, Gloria, ed. (2013). *Применение силы во время вооруженных конфликтов: Взаимодействие между парадигмами ведения военных действий и правоприменением*. Доклад совещания экспертов. Женева: МККК.

Инструменты

- **Международное гуманитарное право**
  - Международный комитет Красного Креста (МККК), электронный учебный модуль. *Что такое международное гуманитарное право?* (Дальнейшие инструкции, как преподавать МПГ также доступны здесь)
  - МККК, База данных по нормам обычного МГП
  - МККК, Договоры, государства-стороны и комментарии
  - МККК (2015). *Международное гуманитарное право: ответы на ваши вопросы*
  - Ряд томов *Исследования международного права* Военно-морского колледжа США (US Naval War College) могут быть полезны по данной теме, в том числе том 88 (немеждународные вооруженные конфликты), 86 (Ирак), и 85 (Афганистан).

- **Международный комитет Красного Креста (МККК):** У МККК имеется ряд полезных ресурсов, которые посвящены текущим тематическим, зачастую сложным и противоречивым, вопросам как в общем плане, так и в отношении МГП и терроризма. См., например:
  - МККК (2015). *Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов*. 32IC/15/11. Женева.

Библиография

Книги и главы в книгах

- Melzer, Nils (2016). *International Humanitarian law: A Comprehensive Introduction*. Geneva: International Committee of the Red Cross (МККК). (*«Международное гуманитарное право: Общий курс»*)
- Peijic, Jelena (2012). "Armed conflict and Terrorism: There is a (Big) Difference." In Ana-María Salinas de Frías, Katja L. H. Samuel, and Nigel D. White, eds. *Counter-Terrorism: International Law and Practice*. New York: Oxford University Press. *(«Вооруженный конфликт и терроризм: Существует (большая) разница»)*

Статьи в журналах

- Cohen, Aviv (2012). "Prosecuting Terrorists at the International Criminal Court: Reevaluating and Unused Legal Tool to Combat Terrorism." *Michigan State International Law Review*, vol. 20, issue 2, pp. 219-257. («*Преследование террористов в Международном уголовном суде: Переоценка и неиспользуемый правовой инструмент в борьбе с терроризмом»)*

Дела

- Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ)
  - *Лоизиду против Турции (Предварительные возражения)*, 23 марта 1995 г., дело № 15318/89, доклад № A310.
  - *Оджалан против Турции, решение (Палата)*, 12 марта 2003 г., дело № 46221/99.
  - *Оджалан против Турции, решение (Большая палата)*, 12 мая 2003 г., дело № 46221/99.
- Межамериканский суд по правам человека
  - *Хуан Карлос Абелла против Аргентины (дело Ла Табага)*, № 11.137, доклад № 55/97, 18 ноября г. 1997.
- Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии
  - *Прокурор против Анто Фурунджия, (Судебное решение)*, 10 декабря 1998 г., IT-95-17/1-T.
  - *Прокурор против Душко Тадича, также известного как «Дуле», решение касательно ходатайства защиты о промежуточной апелляции на юрисдикцию (Апелляционная камера)*, 2 октября 1995 г., IT-94-1-AR72.

    - *Прокурор против Рамуша Харадиная и других, решение (Судебная палата I)*, 3 апреля 2008 г., IT-04-84-T.
- Верховный суд США
    - *Холдер против Humanitarian Law Project*, слушание от 28 февраля 2010 г. – решение от 21 июня 2010 г., № 08-1498, 561 U.S. 1.

Конвенции, договоры и протоколы

- *Конвенция (II) о законах и обычаях сухопутной войны и приложение к ней: Положение о законах и обычаях сухопутной войны.* Гаага, 29 июля 1899 г.
- *Женевские конвенции*. Депозитарий международного договора, том 75, стр. 31, стр. 85, стр. 135 и стр. 287, 12 августа 1949 г.
- *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I)*. Депозитарий международного договора, том 1125, № 17512, 8 июня 1977 г.
- *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II)*. Депозитарий международного договора, том 1125, № 17513, 8 июня 1977 г.
- *Международная конвенция о борьбе с захватом заложников*. Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.
- *Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом*. Депозитарий международного договора, том 2149, стр. 256, Нью-Йорк, 15 декабря 1997 г.
- *Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах*. 25 мая 2000 г.
- *Римский статут Международного уголовного суда*. 1 июля 2002 г.

Материалы ООН

- *Устав ООН*. 24 октября 1945 г.
- Резолюция Совета Безопасности ООН 1267 (1999).
- Резолюция Совета Безопасности ООН 1989 (2011).
- Резолюция Совета Безопасности ООН 2178 (2014).
- Резолюция Совета Безопасности ООН 2253 (2015).

Отчеты

- Chatham House (2012). «Классификация конфликтов: Перспективы». *Краткий доклад заседания по международному праву*.
- Международный комитет Красного Креста (МККК)
    - (1987). *Комментарий к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающемуся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), 8 июня 1977 г*.
    - (2015). «Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов». *Доклад 32-ой Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца*. Женева.
- Международный суд
    - Законность угрозы или применения ядерного оружия, Консультативное заключение, I.C.J. Reports 1996 г.

- Правовые последствия строительства стены на оккупированной палестинской территории, Консультативное заключение, I.C.J. Reports 2004 г.
- Международный уголовный суд (2010 г.). *Конференция по обзору Римского статута*. Кампала.

Статьи в онлайн ресурсах

- Provost, René (2016). "Targeting Child Soldiers." *EJIL: Talk!* 12 January. («*Нападение на детей-солдатов»)*

Вебсайты

- МККК. *Актуальная информация о ратификации договоров*.
- Совет безопасности ООН. «Санкционный режим, учрежденный резолюциями 1267 (1999), 1989 (2011) и 2253 (2015) по ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам, группам, предприятиям и организациям»

UNODC
United Nations Office on Drugs and Crime

Vienna International Centre, P.O. Box 500, 1400 Vienna, Austria
Tel.: (+43-1) 26060-0, Fax: (+43-1) 26060-3389, www.unodc.org